

Н. С. Ищенко
кандидат философских наук, доцент
Луганского государственного аграрного университета

ПОЛКОВОДЕЦ ЗАХВАТЫВАЕТ ТРОН: КУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ ОТТОРЖЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРАКТИКИ В РОССИИ

Аннотация: в статье рассматриваются культурные предпосылки отторжения византийской практики начала новой царской династии путем захвата трона выдающимся полководцем, за которым идет армия. В ходе русско-византийского диалога на Руси была усвоена византийская концепция власти царя как космократора, организующего жизнь общества на христианских началах. Вплоть до XV века это представление не применялось к русским князьям, представлявшим собой военных вождей из рода Рюрика. На Руси сложилась традиция называть царями удельных князей, демонстрировавших святость, приверженность церковной жизни и нравственным христианским идеалам, противоречащим этосу военного вождя. После гибели Византии и присвоения титула «царь» правителю Руси антагонизм культурных архетипов уже сложился, и полководец, стремящийся захватить трон, не находит культурных образцов для своих действий.

Ключевые слова: русская культура, диалог культур, Россия, Византия, концепция царской власти, Рюриковичи, династический принцип

N.S. Ishchenko
PhD in Philosophy
Luhansk State Agrarian University

THE COMMANDER SEIZES THE THRONE: CULTURAL REASONS FOR THE REJECTION OF BYZANTINE PRACTICE IN RUSSIA

Abstract. The paper focuses on the cultural prerequisites for the rejection of the Byzantine practice of the beginning of a new royal dynasty by the seizure of the throne by an outstanding commander, followed by an army. In the course of the Russian-Byzantine dialogue in Russia, the Byzantine concept of the power of the tsar as a cosmocrator, organizing the life of society on a Christian basis, was assimilated. Until the 15th century, this idea was not applied to the Russian princes, who were military leaders from the Rurik clan. In Russia, a tradition has developed to call appanage princes tsars who demonstrated holiness, adherence to church life and moral Christian ideals that contradict the ethos of a military

leader. After the death of Byzantium and the assignment of the title "tsar" to the ruler of Russia, the antagonism of cultural archetypes had already taken shape, and the commander, seeking to seize the throne, did not find cultural models for his actions.

Key words: Russian culture, dialogue of cultures, Russia, Byzantium, the concept of imperial power, Rurikovichi, dynastic principle

Диалог русской и византийской культур начался в X веке и продолжался несколько столетий вплоть до конца XVII века. В ходе диалога культур с Византией Русь усвоила множество культурных образцов религиозного, правового, государственного характера. Среди этих образцов была и концепция царской власти, возникшая в Византии в VI веке. Несмотря на такое тесное межкультурное взаимодействие и заимствование самых важных идей, на Руси не прижилась византийская модель престолонаследия. В Византии соблюдался династический принцип, однако династии постоянно менялись, и очень часто удачливый полководец захватывал трон, начиная новую династию. На Руси же за весь период русско-византийского диалога такая ситуация ни разу не была реализована, более того, вплоть до настоящего времени в России армия не рассматривается как кузница кадров для кандидатов на место главы государства. Исследованию культурных причин этого явления посвящена данная статья.

Русско-византийский диалог культур начался с Крещения Руси в X веке. С тех пор он прошел все три фазы, которые в диалоге выделил Ю.М. Лотман:

активное усвоение чужой культуры;
свободное владение чужой культурой, сопровождающееся инверсией культурного пространства двух культур;
трансляция собственной культуры [5].

Диалог структурируется попеременной активностью передающей и принимающей культуры. Когда один из участников передает некоторые культурные объекты, второй выдерживает паузу и находится на приеме.

Вторая важная черта диалога – выработка общего языка общения, что происходит поэтапно. Сначала принимающая сторона осваивает язык чужой культуры и учится правилам создания текстов, культурных объектов и культурных систем на этом языке. На следующем этапе происходит принципиальное изменение – чужая традиция трансформируется в соответствии с культурными механизмами принимающей стороны и становится своей, инокультурные системы включаются в собственную социокультуру, часто коренным образом меняя свой облик. В этот критический момент меняется направление культурного влияния, и поток текстов принимающей стороны может многократно превосходить тот, который она усвоила на первом этапе диалога. Замечательно, что ответ в

диалоге культур может получить вовсе не та культура, которая инициировала изменения.

Первый этап диалога культур Руси и Византии начался в X веке и продолжался ориентировочно до XV века. В XV–XVII веке происходит инверсия культурного пространства, в центре которого прежде была Византия, а теперь становится Русь. После этого начинается трансляция русской культуры в языческом и восточно-христианском мире, а на западной культурной границе начинается русско-европейский диалог культур.

В ходе диалога культур с Византией русская культура получила представления византийцев о власти царя (василевса). Уже в начале XII века в связи с усвоением византийской культуры все более широкими слоями русского общества становится известна и оказывает влияние византийская концепция царской власти, сформулированная в VI веке Агапитом, о том, что естеством земным царь подобен всякому человеку, а властью подобен Богу [1, с. 531].

В Византии к этому времени сформировался христианский государственно-правовой порядок, неизвестный античному миру [6, с. 21]. Христианский духовный идеал означал и новый образ человека по сравнению с античным и ветхозаветным [9, с. 53].

Царь в византийской концепции власти является главой всей христианской обитаемой земли. Как наместник Бога на земле, царь выступает в качестве устроителя земного порядка, отражающего порядок небесный. Как на Небе правит Пантократор (Вседержитель), на Земле царствует космократор, царь. Царь подчиняется Божественной воле, и таким образом утверждает собственную власть, которая получает легитимацию только от Божественного могущества единого Бога [7, с. 157].

В то же время, как пишет Г.В. Скотникова, «в Византии отсутствовал династический принцип как факт морального сознания» [8, с. 25]. Византийский принцип престолонаследия был в значительной степени унаследован от первого Рима.

Основой политической системы Римской империи стала высшая власть магистратов Римской республики, которая называлась империем (*imperiū*). Как указывает А.В. Коптев, в настоящее время большинство исследователей склоняется к идее А. Хойса, согласно которой империй первоначально был военной властью [3, с. 43]. Титул *imperator* в республике предоставлялся персонально. Императором провозглашало войско своего полководца, когда считало его достойным триумфа – специальной религиозной церемонии вступления в Рим и посвящения военной добычи Юпитеру Капитолийскому. К концу республики титул императора присваивали магистраты, и обычай провозглашения на поле брани был несколько устаревшим, однако практиковался. Императором был даже

оратор Цицерон, человек тоги, а не меча, получивший этот титул от своих солдат, которыми он командовал в пору наместничества в Киликии.

В период трансформации республики в империю именно титул императора стал символом нового политического строя. В ранней империи управление государством происходило в режиме личной власти, и наследником императора нередко становился не его родственник, а усыновленный им кандидат, отобранный по моральным и государственным качествам. Именно так пришел к власти один из идеальных римских императоров Траян. Такая практика делает проблематичным само понятие династии в применении к государственной власти в Римской империи [2]. В то же время архаичный символизм императора как военачальника по преимуществу в римской культуре сохранялся.

Включение истории создания основ имперской государственности в качестве культурного образца в византийскую культуру привело к сохранению концепции императора как полководца. Византийская концепция власти трансформировала старую культурную основу, но не уничтожила ее. Попытки утвердить династический принцип наследования в Византии были действенны, пока подкреплялись личными достоинствами императора как государственного деятеля и не в последнюю очередь как военачальника. Этот семантический аспект полностью потерялся в диалоге культур с Русью, и построенная на его основе стратегия престолонаследования ни разу не была реализована в ареале русской культуры даже в тот период, когда византийская концепция царской власти уже была усвоена.

Вплоть до XV века концепция царской власти не применялась на Руси к российским властителям. Согласно византийской теории, единственным христианским царем является император ромеев. В то же время парадигмальное значение византийской концепции царской власти для Древней Руси оставалось в духовной сфере, поскольку политически русские князья не признавали суверенитет василевса [11, с. 443]. Более того, русские князья нередко присваивали себе prerogatives царской власти василевса: чеканили монеты, где князь изображался с регалиями василевса, в литургиях и поминальных перечнях местного князя могли упоминать вместо василевса [11, с. 444]. Такое подражание означало безусловное приятие византийского царя в качестве культурного архетипа и выстраивание известных образов власти в соответствии с этим образцом.

Суверенность, независимость от внешних сил является необходимым компонентом царской власти, и поэтому в русской культуре появляется тенденция называть царем сильного независимого государя. Хан Золотой Орды вплоть до XV века воспринимался на Руси как государь, власть которому дана Богом. Даже в Куликовской битве в 1380 году русские сражались с Мамаем, узурпатором власти в Орде. Мамай воспринимался как

правитель одного ранга с князем Дмитрием Донским, который захотел большего, чем ему положено, а не как законный государь [11, с. 446–447].

Исчезновение Византии с политической карты и освобождение трона василевса всех христиан произошло в XV веке. Как показывает Б.А. Успенский, после падения Константинополя в 1453 году Русь осознает себя как последнее православное царство на земле [10, с. 213]. Соответственно, правитель этого царства должен перенять функцию царя всех православных христиан. К этому периоду на Руси византийская концепция власти получила характерную русскую специфику.

Византийская концепция власти была воспринята на Руси в русле уже существовавших дохристианских и раннехристианских представлений о княжеской власти. Княжеская власть на Руси вплоть до наследников Ивана Грозного понималась как наследственная привилегия рода Рюриковичей [12, с. 151].

Как указывают историки А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, «род Рюриковичей занимает совершенно уникальное место в русской истории, не менее уникально и его положение среди других европейских средневековых династий. Более шестисот лет власть над русской землей переходила в этом роду от предка к потомку, от родича к родичу. Московские великие князья твердо помнили о том, что власть, которой они обладают над Русью, перешла к ним от прародителей, что их наследственные права ясно, без каких-либо сбоев и отклонений просматриваются в черед поколений вплоть до X в.» [4, с. 7].

Князь в период Киевской Руси, на начальном этапе диалога с Византией, являлся военным вождем, который в первую очередь отвечает за свою дружину, идущую за ним ради добычи в военном походе. Княжеский удел представлял собой место кормления князя и его воинов, а государственный порядок и нормализация общественных отношений в уделе не входили в сферу компетенции князя как военного вождя. Именно на этой основе после падения Византии формировалась русская концепция царской власти.

В работах В. Водова показано, что в период Киевской Руси и вплоть до XV века термин «князь» и «царь» могли использоваться в именовании русского удельного правителя [1, с. 526]. Первый титул означал военного вождя из рода Рюрика, в то время как царями называли тех князей, которые проявили религиозное рвение, нравственные добродетели, участвовали в административной деятельности Церкви, выполняя функции защитника истинной веры, или умерли мученической смертью [1, с. 533–538]. Таким образом, еще до введения слова «царь» в официальную титулатуру русского правителя этот термин функционирует в семантической сфере сакрального и противопоставляется образу князя как военного вождя.

Таким образом, византийский образ царя как повелителя всех христиан в силу того, что он является устроителем жизни в государстве по

христианским законам, несколько веков функционировал в русской культуре наряду с образом удельного князя, военного вождя, который заботится о воинах и дружине. Наименование «царь» князь получал за нравственные добродетели, усердие к Церкви или за мученическую смерть, то есть за качества, которые прямо противоречат этосу военного вождя. К тому периоду, когда правители Руси стали претендовать на власть, идея выбора царя из военного сословия уже была антагонистична русским культурным установкам. Многовековое господство князей и царей из рода Рюриковичей позволяло человеку получить сакральную легитимацию своей власти, если он принадлежал к этому роду и получил власть законно, а не начинал новую династию, свергая законного царя. Таким образом, полководец на Руси и затем в России не имел культурных образцов для своих действий по захвату престола, поскольку в обществе не были сформированы социальные ожидания такой формы наследования власти.

Смена династической модели наследования власти на выборную произошла в России только в XX веке, и новые механизмы формируются на наших глазах в режиме реального времени. Хотя руководитель государства является главнокомандующим вооруженных сил, в обществе существует консенсус по поводу того, что армия не может выдвигать нового кандидата из своей среды, поскольку не является самостоятельной силой в обществе, и полученная таким образом власть не соответствует русскому культурному коду. Из византийской концепции царской власти в русской культуре сохранилось представление о том, что руководитель государства должен быть защитником веры и устройтеlem жизни в обществе на христианских началах. Также в современной русской культуре начала играть заметную роль концепция выборности руководителя государства. Хотя тенденция связывать верховную власть в России с династией (в настоящее время с династией Романовых) не исчезла совсем, она заметно маргинализована. Более важную роль играет представление о том, что качества руководителя государства не передаются по наследству и не локализуются внутри некоторой семьи. Можно констатировать, что как династический принцип, так и принцип наследования власти как полномочий военачальника, не занимают центральной позиции в русском культурном пространстве.

Источники и литература

1. Водов В.В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Т. II; Кн. 1: Киевская и Московская Русь. [Сост. А.Ф. Литвина, Б.А. Успенский]. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 506–542.
2. Данилова В. Ю. Особенности прихода к власти императора Траяна // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №4 (36). С. 63–67.

3. Коптев А.В. Империй и померий в эпоху ранней Римской Республики // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. С. 42–103.
4. Литвина А.Ф., Ф.Б. Успенский. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. – 904 с.
5. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Избранные статьи в 3 т. Таллин: Александра, 1992. 1 т. Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 121–128.
6. Павлов В.И. Византийская цивилизация и христианская правовая традиция в современном политико-правовом контексте (К 1700-летию Миланского эдикта). Часть 1. Христианство и современная правовая жизнь // Пространство и время. 2014. № 3(17). С. 14–23.
7. Седунова Т.В. Образ императора в византийской культуре VI века: «симфония властей» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. С. 155–161.
8. Скотникова Г.В. Византийская традиция в русском самосознании: автореферат... д. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры. СПб., 2003. – 40 с.
9. Скотникова, Г.В. Византийская традиция в русском самосознании: опыт историко-культурологического исследования. Ред. С. Н. Иконникова СПб.: СПбГУКИ, 2002. –284 с.
10. Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) (в соавторстве с В. М. Живовым) // Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 205–337.
11. Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. II; Кн. 1: Киевская и Московская Русь. Сост. А.Ф. Литвина, Б.А. Успенский. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 442–456.
12. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры М. : МИРОС, 1998. – 448 с.